ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 И 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Пензенской Семинаріи.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей безъ доставки 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 руб.

15 Февраля. № 4. 1876 г.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА.

Отъ 28 Декабря, 1875 года.—*По Высочайшему повелѣнію. Съ новою Высочайше утвержденною формою возношеній на эктеніяхъ Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи и дополненіемъ къ табели Высокоторжественныхъ и Викторіальныхъ дней.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали предложенные Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 22 сего Декабря за № 4350 и 4351, во первыхъ Высочайшій

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Указъ, данный Святѣйшему Сѵноду въ 21 день Декабря 1875 года, въ которомъ изображено: „Рожденіе Любезнѣйшаго Племянника НАШЕГО Великаго Князя АЛЕКСІЯ МИХАИЛОВИЧА повелѣваемъ праздновать въ 16 день Декабря, а Тезоименитство въ 20 день Мая“, и во вторыхъ Высочайше утвержденную въ тотъ же день Декабря новую форму возношенія на эктеніяхъ Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи которая должна быть приведена въ исполненіе со дня Св. Крещенія Его Императорскаго Высочества, Высоконоворожденнаго Великаго Князя АЛЕКСІЯ МИХАИЛОВИЧА. Приказали: О Высочашемъ повелѣніи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА праздновать рожденіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя АЛЕКСІЯ МИХАИЛОВИЧА въ 16 день Декабря, а тезоименитство въ 20 день Мая и о возношеніи впредь на эктеніяхъ Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи, по новой формѣ, со дня Св. Крещенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя АЛЕКСІЯ МИХАИЛОВИЧА, увѣдомить всѣ подвѣдомственныя Святѣйшему Сѵноду мѣста и лица печатными указами, съ препровожденіемъ при оныхъ какъ Высочайше утвержденной формы возношеній, такъ и составленнаго въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ дополненія къ табели Высокоторжественныхъ и Викторіальныхъ дней, для должнаго исполненія въ свое время, а Правительствующему Сенату сообщить означенную форму и дополненіе при вѣдѣніи.

ФÓРМА

на великой ектеніи.

Ѿ Бл҃гочестивѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ Великомъ Гд҃рѣ нашемъ ІМПЕРАТОРѢ АЛЕѮАНДРѢ НІКОЛАЕВИЧѢ всеѧ̀ Рѡссіи, и ѡ Сꙋпрꙋгѣ ЕГѠ, Бл҃гочестивѣйшей Гд҃рнѣ ІМПЕ-

ратрі́цѣ Марі́и Алеѯа́ндровнѣ: ѡ҆ Наслѣ́дникѣ Егѡ̀, Бл҃гове́рномъ Гдр҃ѣ Цесаре́вичѣ и҆ Вели́комъ Кнз҃ѣ Алеѯа́ндрѣ Алеѯа́ндровичѣ и҆ ѡ҆ Сꙋпрꙋ́гѣ Егѡ̀, Бл҃гове́рной Гдр҃нѣ, Цесаре́внѣ и҆ Вели́кой Кнг҃и́нѣ Марі́и Ѳеѡ́дѡровнѣ: ѡ҆ Бл҃гове́рныхъ Гдр҃ѣхъ, Вели́кихъ Кнз҃ѣхъ: Нікола́ѣ и҆ Геѡ́ргіи Алеѯа́ндровичахъ: ѡ҆ Благове́рномъ Гдр҃ѣ, Вели́комъ Кнз҃ѣ Владимі́рѣ Алеѯа́ндровичѣ и҆ ѡ҆ Сꙋпрꙋ́гѣ Егѡ̀, Гдр҃нѣ Вели́кой Кнгі́нѣ Марі́и Па́ѵловнѣ: ѡ҆ Благове́рномъ Гдр҃ѣ, Вели́комъ Кнз҃ѣ Алеѯа́ндрѣ Владимі́ровичѣ: ѡ҆ Благове́рныхъ Гдр҃ѣхъ, Вели́кихъ Кнз҃ѣхъ: Алеѯі́и, Се́ргіи и҆ Па́ѵлѣ Алеѯа́ндровичахъ: ѡ҆ Бл҃гове́рномъ Гдр҃ѣ, Вели́комъ Кнз҃ѣ Кѡнстанті́нѣ Нікола́евичѣ и҆ ѡ҆ Сꙋпрꙋ́гѣ Егѡ̀, Бл҃гове́рной Гдр҃нѣ, Вели́кой Кнгі́нѣ Алеѯа́ндрѣ І҆ѡ́сифовнѣ: ѡ҆ Бл҃гове́рныхъ Гдр҃ѣхъ, Вели́кихъ Кнз҃ѣхъ: Нікола́ѣ, Константі́нѣ, Димитрі́и и҆ Вѧчесла́вѣ Кѡнстанті́новичахъ: ѡ҆ Бл҃гове́рномъ Гдр҃ѣ, Вели́комъ Кнз҃ѣ Нікола́ѣ Нікола́евичѣ и҆ ѡ҆ Сꙋпрꙋ́гѣ Егѡ̀, Бл҃гове́рной Гдр҃нѣ, Вели́кой Кнгинѣ Алеѯа́ндрѣ Петро́внѣ: ѡ҆ Бл҃гове́рныхъ Гдр҃ѣхъ, Вели́кихъ Кнз҃ѣхъ Нікола́ѣ и҆ Петрѣ Нікола́евичахъ: ѡ҆ Бл҃гове́рномъ Гдр҃ѣ, Вели́комъ Кнз҃ѣ Міха́илѣ Нікола́евичѣ и҆ ѡ҆ Сꙋпрꙋ́гѣ Егѡ̀, Бл҃гове́рной Гдр҃нѣ, Вели́кой Кнгі́нѣ О҆́льгѣ Ѳеѡ́дѡровнѣ: ѡ҆ Бл҃гове́рныхъ Гдр҃ѣхъ, Вели́кихъ Кнз҃ѣхъ: Нікола́ѣ, Міха́илѣ, Геѡ́ргіи, Алеѯа́ндрѣ, Се́ргіи и҆ Алеѯі́и Міха́иловичахъ: ѡ҆ Бл҃гове́рныхъ Гдр҃нѧхъ: ѡ҆ Вели́кой Кнжнѣ Ѯе́ніи Алеѯа́ндровнѣ: ѡ҆ Вели́кой Кнгі́нѣ Марі́и Алеѯа́ндровнѣ и҆ ѡ҆ Сꙋпрꙋ́гѣ Еѧ̀: ѡ҆ Короле́вѣ Е҆́ллинѡвъ О҆́льгѣ Константі́новнѣ и҆ ѡ҆ Сꙋпрꙋ́гѣ Еѧ̀: ѡ҆ Вели́кой Кнгі́нѣ Ве́рѣ Кѡнстанті́новнѣ и҆ ѡ҆ Сꙋпрꙋ́гѣ Еѧ̀: ѡ҆ Вели́кой Кнжнѣ

Анастасіи Михаиловнѣ: ѡ великой Кнгинѣ Маріи Николаевнѣ: ѡ Королевѣ Виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ и ѡ Супругѣ Ея: ѡ великой Кнгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ и ѡ Супругѣ Ея: ѡ всей Палатѣ и воинствѣ ихъ Гдꙋ помолимся.

Къ семꙋ должно примѣняться на проскомидіи и на великомъ входѣ.

Дополненіе

къ табели Высокоторжественныхъ и Вікторіальныхъ дней.

Декемріа ѕі. Рожденіе Егѡ Імператорскаго Высочества, Благовѣрнагѡ Гдра великаго Кнзя Алеѯіа Михаиловича.

Маіа к. Тезоименитство Егѡ Імператорскаго Высочества, великагѡ Кнзя Алеѯіа Михаиловича.

От 20 Декабря, 1875 года, за № 54. О *порядкѣ объявленія чрезъ „Церковный Вѣстникъ“ постановленій и распоряженій по духовному вѣдомству.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сунодъ слушали предложенный Господиномъ Сунодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 11 сего Декабря, за № 4171, журналъ состоявшагося на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Сунода, отъ 27 Ноября 1874 г., совѣщанія начальниковъ центральныхъ учрежденій вѣдомства Православнаго исповѣданія и редактора журнала „Церковный Вѣстникъ“ объ измѣненіи нынѣшнихъ условій и порядка объ-

явленія въ означенномъ оффиціальномъ органѣ духовнаго вѣдомства постановленій и распоряженій по сему вѣдомству, И, по справкѣ, Приказали: Разсмотрѣвъ предложенный журналъ касательно условій и порядка объявленія въ Церковномъ Вѣстникѣ постановленій и распоряженій по духовному вѣдомству, Святѣйшій Сѵнодъ опредѣляетъ: 1) Печатаніе въ Сѵнодальной Типографіи и отдѣльную разсылку по духовному вѣдомству циркулярныхъ указовъ Святѣйшаго Сѵнода, кромѣ поименованныхъ ниже (п. 3), а также циркулярныхъ распоряженій и сообщеній Сѵнодальнаго Оберъ Прокурора или центральныхъ учрежденій вѣдомства Православнаго исповѣданія, съ 1 Января 1876 года, прекратить, возложивъ на редакцію журнала „Церковный Вѣстникъ“ печатать эти указы, распоряженія и сообщенія въ оффиціальной части своего журнала. 2) Напечатанные въ оффиціальной части журнала „Церковный Вѣстникъ“ указы Святѣйшаго Сѵнода, распоряженія и сообщенія Господина Сѵнодальнаго Оберъ-Прокурора или центральныхъ учрежденій вѣдомства Правовлавнаго исповѣданія считать *объявленными* по духовному вѣдомству, лица и учрежденія котораго обязываются принимать эти указы, распоряженія и сообщенія, смотря по роду оныхъ, или къ немедленному исполненію, или къ руководству въ нужныхъ случаяхъ. 3) Циркулярные указы Святѣйшаго Сѵнода съ объявленіемъ Высочайшихъ Манифестовъ о событіяхъ въ Царствующемъ домѣ или Высочайше утвержденныхъ формъ возношенія на эктеніяхъ Августѣйшихъ Именъ Высочайшихъ Особъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, а также указы и распоряженія секретные печатать и разсылать прежнимъ порядкомъ, помимо журнала „Церковный Вѣстникъ“. 4) Для доставленія Правительственнымъ лицамъ и мѣстамъ вѣдомства Православнаго исповѣданія возможности соединять погодно въ одинъ сборникъ всѣ напечатанные въ оффиціальной части Церковнаго Вѣстника указы, распоряженія и сообщенія органовъ центральнаго Духовнаго Правительства

обязать редакцію названнаго журнала имѣть для оффиціальной части онаго особую нумерацію страницъ, отнюдь не допуская на той же страницѣ печатанія и статей неоффиціальной части и 5) Съ этою же цѣлью изъ утвержденной Святѣйшимъ Сѵнодомъ для оффиціальной части Церковнаго Вѣстника программы исключить: а) опредѣленія Совѣта С.-Петербургской духовной Академіи, требующія особенно скораго публикованія и б) особенно замѣчательныя распоряженія Епархіальныхъ Преосвященныхъ, заимствуемыя изъ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, предоставивъ редакціи печатать сказанныя опредѣленія академическаго Совѣта и распоряженія Епархіальныхъ Преосвященныхъ, какъ неимѣющія обязательной силы для всего Духовнаго вѣдомства, въ неоффиціальной части журнала. О таковомъ опредѣленіи Святѣйшаго Сѵнода, для свѣдѣнія и исполненія, дать знать по духовному вѣдомству циркулярнымъ печатнымъ указомъ.

От 11 Декабря 1875 года, за № 43. *О книгахъ Д. Тихомирова.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали предложеніе Господина Оберъ-Прокурора, съ журналомъ Учебнаго Комитета, № 98, коимъ книги Д. Тихомирова: 1) „Азбука правописанія съ сборникомъ примѣровъ и статей на главнѣйшія правила правописанія для диктовки (Москва. 1874 г. изд. 3-е)“ и 2) Объ элементарномъ курсѣ грамматики для городскихъ и сельскихъ школъ (Москва. 1875 г. изд. 4-е)“ одобряются для употребленія въ приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ и въ воскресныхъ школахъ при семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи русскаго языка. Приказали: Заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія Правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, послать при печатномъ указѣ Епархіальнымъ Преосвященнымъ копію съ журнала Комитета.

Копія.

ЖУРНАЛЪ

Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 14 Мая 1875 года, № 98-й.

О двухъ книжкахъ Д. Тихомирова: а) объ „Азбукѣ правописанія со сборникомъ примѣровъ и статей на главнѣйшія правила правописанія для диктовки (М. 1874 г. XXIV+85 стр. изд. 3-е)", и б) „объ элементарномъ курсѣ грамматики для городскихъ и сельскихъ школъ (М. 1875 г. стр. 116. 4-е изд.)."

Первая книжка состоитъ собственно изъ сборника отдѣльныхъ выраженій, которыя могутъ служить примѣрами на какой либо случай правописанія, напримѣръ на употребленіе буквы е, ѣ, э, і, ъ, ь, не, нѣ, ни, ѣ въ дательномъ падежѣ и въ предложномъ единственнаго числа многихъ существительныхъ, формъ ее, ея, окончаній сравнительной степени ѣе, ѣй, ѣйшій, въ винительномъ падежѣ и въ творительномъ ую, юю, ою, ею, въ именительномъ множественнаго ые, ыя, іе, ія, и пр. Къ отдѣльнымъ выраженіямъ присоединено нѣсколько небольшихъ статей, которыя должны быть диктованы для провѣрки знанія правописанія въ объясненныхъ случаяхъ. Выбранные примѣры и статьи могутъ служить хорошимъ пособіемъ къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей и не заключаютъ въ себѣ ничего неудобнаго для занятій съ дѣтьми, но въ порядкѣ изученія предметовъ можно желать измѣненія относительно буквы ѣ въ корняхъ. Почти въ самомъ началѣ на 10 страницахъ (9—19) перечислены слова, заключающія въ своихъ корняхъ эту букву (ѣ). Постоянно долгое время занимать дѣтей изученіемъ массы такихъ словъ едва ли умѣстно. Разнообразіе въ занятіяхъ необходимо и для начинающихъ.

Означенному сборнику предпослано предисловіе. Въ немъ авторъ указываетъ сперва на виды ошибокъ, какія чаще всего встрѣчаются у начинающихъ изучать правописаніе, и потомъ разсматриваетъ средства, при помощи которыхъ можно бы научиться избѣгать ихъ. За этимъ пріемомъ нельзя не признать полной основательности и цѣлесообразности, такъ какъ врачеванію предшествуетъ опредѣленіе вида немощи, служащее основаніемъ возможности правильнаго дальнѣйшаго отношенія къ дѣлу. Въ числѣ означенныхъ средствъ авторъ считаетъ безспорно самымъ важнымъ знаніе элементарной грамматики, но тамъ же, основываясь на практикѣ, заявляетъ, что знаніе грамматики еще не можетъ ручаться за правильное письмо. Поэтому указываетъ на многія вспомогательныя средства, дѣйствующія на слухъ, на зрѣніе учащихся, на развитіе вниманія и навыка къ правильному письму. Только совокупностію всѣхъ средствъ, своевременно и разумно употребленныхъ при начальномъ обученіи дѣтей грамотѣ, авторъ полагаетъ возможнымъ достигнуть надлежащаго успѣха. Съ этимъ нельзя не согласиться.

Другая книжка того же автора подъ заглавіемъ: „Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и сельскихъ школъ“ можетъ служить продолженіемъ выше разсмотрѣнной „азбуки правописанія“. Она основательно и практически излагаетъ въ главныхъ чертахъ важнѣйшіе вопросы всей грамматики. Разсмотрѣніе каждаго вопроса начинается разборомъ примѣровъ, который часто переходитъ въ письменную задачу. Примѣры, задачи очень хорошо подобраны и по изложенію доступны дѣтямъ.

Учебный матеріалъ въ этомъ трудѣ г. Тихомирова разсмотрѣнъ правильно. Не посчастливилось одной 92-й страницѣ, на которой встрѣчаются двѣ обмолвки: Всѣ глаголы въ прошедшемъ времени имѣютъ букву л, говоритъ авторъ, но при этомъ опущена изъ виду немалая семья первобытныхъ глаголовъ, образовавшихъ прошедшее время въ новомъ

нашемъ языкѣ безъ буквы л въ мужескомъ родѣ, напр. берегъ, везъ, влекъ, мерзъ, несъ, пекъ, стерегъ, сѣкъ, текъ, теръ, меръ и пр. съ приставками. б) „Если глаголъ въ прошедшемъ времени оканчивается на елъ, то пишется ѣ (пѣлъ, видѣлъ)“, но глаголы велъ, шелъ, мелъ не подчиняются этому правилу.

Изъ вышеизложеннаго видно, что первая изъ разсмотрѣнныхъ книжекъ содержитъ въ себѣ достаточно матеріала теоретическаго и практическаго, чтобы служить хорошимъ пособіемъ при начальномъ изученіи правописанія русскаго языка, а вторая можетъ быть хорошимъ руководствомъ для дальнѣйшаго изученія языка на основаніи излагаемымъ ею грамматическихъ формъ и правилъ.

На основаніи вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ полагалъ бы одобрить составленныя Д. Тихомировымъ книги: „Азбука правописанія со сборникомъ примѣровъ и статей на главнѣйшія правила правописанія для диктовки (3-е изданіе)“ и „Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и сельскихъ школъ (4-е изданіе)“ въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи русскаго языка въ приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ и въ воскресныхъ школахъ при семинаріяхъ.

II.

СВѢДѢНІЯ ПО ЕПАРХІИ.

Пожертвованіе въ пользу бѣдствующихъ православныхъ жителей Босніи и Герцеговины. Сельскіе власти и благочестивые прихожане села Русскаго Качима, Городищенскаго уѣзда, услышавъ въ храмѣ слово пастыря своего, священника Василія Ильминскаго, о невыносимыхъ бѣдствіяхъ нашихъ единокровныхъ братій православныхъ славянъ и ихъ семействъ, по волѣ провидѣнія поселившихся издавна, во время

татарскаго еще ига надъ Россіею,—въ горахъ Босніи и Герцеговины, постоянно разоряемыхъ и нынѣ въ конецъ разоренныхъ безбожными Турками,—тутъ же въ храмѣ сдѣлали пожертвованія отъ скудныхъ своихъ средствъ, чтобы хотя сколько нибудь облегчить страданія рмирающихъ съ голоду несчастныхъ семействъ, остающихся безъ крова и одежды въ настоящее суровое зимнее время, и препроводили пожертвованія на имя Архипастыря, въ количествѣ 11 рубл. Посему объявляется, что деньги 11 рубл. указано записать на приходъ и отослать вмѣстѣ съ прочими въ *Санкт.-Петербургскій отдѣлъ благотворительнаго Комитета*, для препровожденія вышеупомянутымъ страдальцамъ, а жертвователямъ дать знать чрезъ благочиннаго и причтъ, что Архипастырь испрашиваетъ благословеніе Божіе какъ на нихъ, такъ и на ихъ семейства, для преуспѣянія ихъ трудовъ.

III.

ОТЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УПРАВЫ.

Приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу жителей Херсонской губерніи.

Неурожай постигающій Херсонскую губернію нѣсколько лѣтъ сряду повторился и въ 1875 году. Послѣдствія неурожая крайне прискорбны: большая часть населенія, истощивъ послѣднія средства и не имѣя возможности поддерживать окончательно разстроенное хозяйство, остается въ безвыходномъ положеніи. Такое бѣдствіе побудило Херсонское Губернское Земское Собраніе ходатайствовать о продолженіи подписки, открытой въ 1874 году, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаевъ мѣстностей губерніи. По всеподданнѣйшему докладу Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ этого ходатайства,

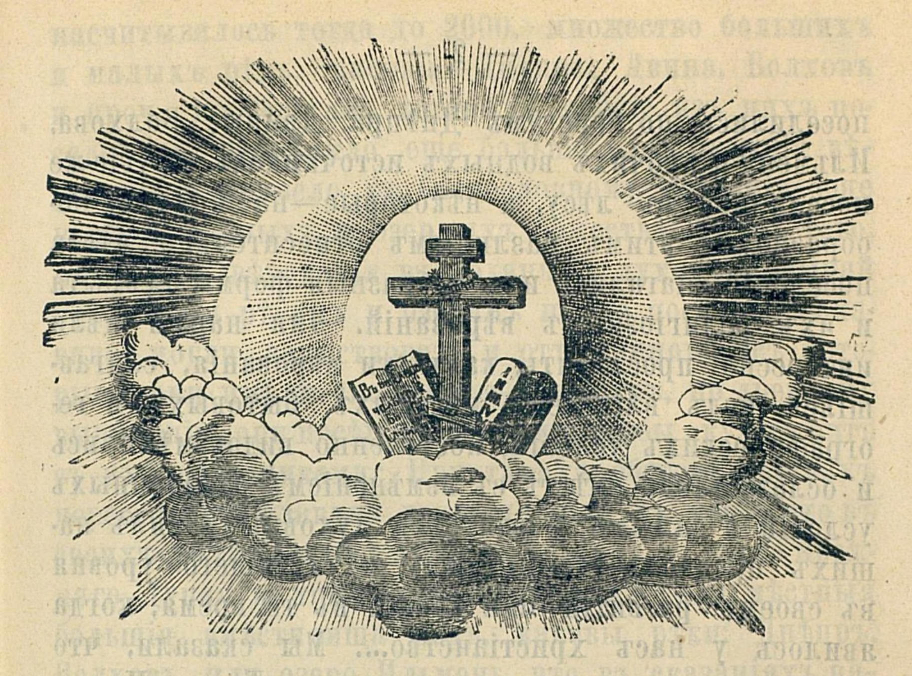
Государь Императоръ 2-го Января сего года всемилостивѣйше соизволилъ на продолженіе помянутой подписки въ пользу пострадавшихъ мѣстностей всей Херсонской губерніи.

Пензенская Губернская Земская Управа въ виду вышеизложеннаго Высочайшаго соизволенія и циркулярнаго о семъ увѣдомленія Херсонской Губернской Земской Управы, отъ 23-го Января сего года за № 712-мъ, имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что она открыла у себя пріемъ пожертвованій въ пользу жителей Херсонской губерніи пострадавшихъ отъ неурожаевъ. Пожертвованія сіи могутъ быть посылаемы чрезъ почту или представляемы въ Управу ежедневно, кромѣ воскресныхъ и неприсутственныхъ дней, съ 11-ти до 3-хъ часовъ дня.—При этомъ Губернская Управа поставляетъ себѣ—въ обязанность объявлять въ Губернскихъ вѣдомостяхъ какъ о поступившихъ пожертвованіяхъ, такъ и о времени отправленія оныхъ по принадлежности.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { А. Поповъ. Н. Смирновъ. }

Дозволено цензурою. Пенза, 15 Февраля 1876 г.
Цензоръ, учитель семинаріи, священникъ **М. Шестаковъ.**

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.

ПЕНЗЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 Февраля № 4. 1876 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Историческій очеркъ видоизмѣненія основныхъ началъ славяно-русскаго язычества *) подъ вліяніемъ перемѣны мѣстныхъ и бытовыхъ условій.

По лѣтописному разсказу Нестора, Славяне пришли въ русскую землю съ Дуная и одни изъ нихъ

*) Взглядъ на основныя начала славяно-русскаго язычества изложенъ нами въ № № 23 и 24 Пенз. Е. В. за прошедшій годъ.

поселились по берегамъ Днѣпра, Двины, Волхова, Ильменя и прочихъ водныхъ источниковъ, другіе-же поселились въ лѣсу, а нѣкоторые—на поляхъ. Сообразно съ этимъ различіемъ относительно мѣста поселеній слагались и своеобразныя формы ихъ быта и ихъ религіозныхъ вѣрованій. Для нашей цѣли интересно прослѣдить, какъ эти вѣрованія, слагавшіяся подъ вліяніемъ мѣстныхъ, бытовыхъ и географическихъ условій, постепенно видоизмѣнялись и осложнялись вмѣстѣ съ измѣненіемъ означенныхъ условій и самымъ развитіемъ духовныхъ силъ нашихъ предковъ—язычниковъ, и до нашего уровня въ своемъ развитіи они дошли въ то время, когда явилось у насъ христіанство.... Мы сказали, что славяне пришли въ русскую землю съ Дуная. Первоначальное мѣстожительство ихъ на берегахъ столь громадной рѣки, какова Дунай, — созерцаніе всѣхъ грозныхъ и благодѣтельныхъ явленій, на ней происходившихъ, при ихъ крайней неразвитости привело ихъ къ тому, что они стали обоготворять подъ образомъ миѳическаго *„Сына Ивановича Дуная“*, обоготворили такъ-же и другія второстепенныя вмѣстилища водъ—подъ образомъ водныхъ духовъ и рѣчныхъ русалокъ *). Всѣ эти вѣрованія въ рѣки и другіе водные источники славяне принесли съ собою и въ русскую землю, а безчисленное множество мѣстныхъ озеръ, которыхъ въ одной Олонецкой области

---

*) Русалки въ началѣ служили олицетворенными образами стихій свѣта, воздуха и воды, или вообще растительныхъ силъ природы, а потомъ уже исключительно представлялись водными существами, а такъ-же душами покойниковъ.

насчитывалось тогда до 2000, множество большихъ и малыхъ рѣкъ, каковы—Днѣпръ, Двина, Волховъ и проч., по берегамъ которыхъ многіе изъ нихъ поселились, закрѣпило еще больше ихъ прежнія вѣрованія и привело къ баснословному созданію еще новыхъ рѣчныхъ и озерныхъ божествъ. Кромѣ того, нѣкоторыя вѣрованія въ водяныхъ духовъ и обычай поклоненія рѣкамъ и озерамъ новые поселенцы славяне могли заимствовать и отъ Финновъ, съ которыми они имѣли сношенія,—которыхъ, по древнему выраженію, они посѣщали за тѣмъ, чтобы „кудеса бить съ ихъ кудесниками". При такихъ обстоятельствахъ переселенцы славяне легко пришли къ тому, что въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ на мѣсто прежняго Дуная въ томъ же значеніи помѣстили мѣстныя большія вмѣстилища водъ, каковы рѣки: Днѣпръ, Волховъ, или озеро Ильмень, что въ сказаніяхъ нашихъ предковъ отмѣчено преданіемъ о превращеніи Днѣпра, Волги и Двины изъ людей въ рѣки *). Въ этихъ большихъ вмѣстилищахъ водъ, рѣзко выдѣлявшихся предъ другими, которыя всѣ какъ-бы къ нимъ тяготѣли, по языческому представленію нашихъ предковъ, жили и всѣ прочіе рѣчные и озерные духи, а отсюда уже расходились по другимъ мѣстамъ рѣкамъ и озерамъ....

Что-же касается до тѣхъ переселенцевъ съ Дуная, которые, пришедши въ русскую землю, избрали мѣстомъ своего жительства дремучіе лѣса русскіе: то ихъ религіозныя вѣрованія имѣли свой особенный

*) См. Терещенко, Бытъ рус. нар. т. V, стр. 43.

характеръ, какъ вѣрованія, возникшія подъ прямымъ вліяніемъ жизни въ лѣсу. А чтобы судить о томъ, какова была эта жизнь, стоитъ только обратиться къ лѣтописи. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ начальной лѣтописи о Древлянахъ: „Древляне сѣдоша въ лѣсѣхъ..... живяху звѣринскимъ образомъ, живущи скотьски“, или о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ: „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто,“ т. е. мясо дикихъ звѣрей и птицъ, которыхъ имъ удавалось убивать. Надобно-ли говорить, какое подавляющее впечатлѣніе, при такой первобытной жизни нашихъ предковъ, долженъ былъ производить на нихъ лѣсъ со всѣми явленіями, въ немъ происходившими?! И на развитаго человѣка лѣсъ производитъ сильное впечатлѣніе, располагая его къ чему—то таинственному и поэтическому,— унося мысль человѣческую далеко за предѣлы видимой дѣйствительности и погружая въ идеальныя мечтанія. А тутъ—съ одной стороны стоитъ первобытный человѣкъ, непосредственный сынъ природы,—а съ другой этотъ таинственный и непостижимый лѣсъ, эти какіе—то неуловимые звуки, которые неслышатся опредѣленно ухомъ, а только чудятся, или этотъ шелестъ листьевъ столь гармоничный и какъ бы внятную рѣчь о чемъ-то ведущій,—этотъ непроглядный ночной мракъ и подавляющая тишина, вдругъ нарушаемая какимъ нибудь не понятнымъ звукомъ, или эти причудливыя тѣни при лунномъ освѣщеніи,— наконецъ, этотъ ужасъ, леденящій кровь, во время грозы и бури, когда, кажется, все грозитъ разрушеніемъ, тутъ ломаются древесныя вѣтви, тамъ съ трескомъ падаетъ цѣлое дерево, тутъ въ щепы раз-

летается отъ молніи столѣтній дубъ и надъ всѣмъ стоитъ какой—то грозный неопредѣленный гулъ,— прибавьте ко всему этому еще зловѣщій вой дикихъ звѣрей и пронзительный отрывистый крикъ дикихъ птицъ, и тогда поймете, почему славянинъ—язычникъ, при общемъ вѣрованіи своемъ въ повсемѣстное присутствіе въ природѣ божественныхъ существъ, и на лѣсъ сталъ смотрѣть, какъ на жилище божественныхъ духовъ; нѣтъ, это не просто лѣсъ, сказалъ онъ себѣ,—это *„Божелѣсье“*, *„Божій лѣсъ“*..... А потому славянину—язычнику, обитателю лѣсовъ стали повсюду грезиться таинственные, божественные духи; не было ни одного дерева, особенно древеснаго дупла, на которомъ бы онъ не представлялъ себѣ одного изъ этихъ духовъ, не происходило ни одного явленія, которое бы не имѣло никакого отношенія къ божествамъ лѣса. И вотъ отсюда, какъ изъ естественнаго источника, необходимо открывается необозримая масса, нескончаемый рядъ самыхъ разнообразныхъ суевѣрныхъ примѣтъ и предзнаменованій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать „Слово о Полку Игоревѣ“, гдѣ такъ много древнѣйшихъ миѳологическихъ преданій! Вы увидите изъ него, что если, напримѣръ, вечеромъ кричала сова на старой и дуплистой вербѣ, то, по представленію славянина—язычника, это не сова кричала, а это само божество въ образѣ совы давало знать, кому умереть; или, если скрипѣлъ старый дубъ и съ вершины его пронзительно кричала какая либо дикая птица, то, по представленію нашихъ предковъ—язычниковъ, это „дивъ кликалъ верху древа“..... даже такія обыкновенныя явленія, каковы, напримѣръ, шумъ

листьевъ на осинѣ, наклоненье другъ къ другу двухъ деревьевъ отъ вѣтра, щекотанье сороки, долбленье дерева дятломъ, или вой волка и т. д.... все это не обыкновенныя явленія, но явленія въ высшей степени знаменательныя, которыя говорили о невидимомъ божественномъ существѣ въ видѣ дерева, птицы, или звѣря и т. д.... Какъ ни странны были подобныя суевѣрныя представленія нашихъ предковъ—язычниковъ, но онѣ, какъ мы уже сказали, необходимо вытекали изъ ихъ обожанія лѣса, который они называли, кромѣ другихъ именъ, еще характернымъ именемъ *своей матери.* Свидѣтельствъ о поклоненіи нашихъ предковъ—язычниковъ деревьямъ, пнямъ и священной дубравѣ дошло до насъ множество. По лѣтописи, даже Кіевскіе Поляне, жители поля, и тѣ молились въ „рощеніи“ на холму, покрытомъ большимъ лѣсомъ, а Муромцы съ Финскимъ племенемъ Муромою „дуплинамъ древеснымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивали и симъ покланялись“. Различіе здѣсь состояло только въ томъ, что на Сѣверѣ преимущественно чтили березу, а на Югѣ, въ предѣлахъ Кіевскихъ и Стародубскихъ, гдѣ росли огромные дубовые лѣса, обожали преимущественно дубъ, какъ священное дерево Перуна. Что же касается обожанія *пней*, то памятникомъ его служитъ съ одной стороны дошедшая до насъ древняя поговорка: „вѣнчали вкругъ ели, а черти—пѣли“; съ другой—извѣстное эпическое выраженіе въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова: „тутъ они обручались, кругъ ракитова куста вѣнчались“....

Преклонившись предъ лѣсомъ, какъ жилищемъ боговъ, славянинъ—язычникъ, по необходимости

долженъ былъ преклониться и предъ всякимъ предметомъ, который онъ находилъ въ лѣсу чѣмъ либо поразительнымъ для себя, каковы, напримѣръ, громадные каменные валуны, или просто большое скопленье камней, хотя бы послѣдніе и неотличались размѣрами. Немало также содѣйствовало обожанію камней и общее славянское вѣрованіе въ могущественную силу баснословнаго камня Алатыря, вѣрованіе въ Перуна, мещущаго на землю огненные камни, и та польза, которую нашимъ предкамъ—язычникамъ приносили камни въ борьбѣ ихъ съ дикими звѣрями. Такимъ образомъ мы не должны удивляться, что наши полудикіе предки проникались благоговѣйнымъ страхомъ предъ камнями горъ и рѣкъ, и поймемъ, почему они старались такъ тщательно обкладывать камнями могилы своихъ родичей. Въ одномъ рукописномъ памятникѣ XVII вѣка (въ библіот. К. Д. А въ отд. книг. и рук. Солов. библ.) такъ записано это древнее вѣрованіе нашихъ предковъ въ божественную силу камней и деревьевъ, раздѣлявшееся на Сѣверо-востокѣ, среди Веси, даже до означеннаго столѣтія: „Мы убо россійскій языкъ въ полунощной странѣ, исперва Скиѳяне и Славяне нарицахомся, грамоты же не имѣяхомъ, малоуміемъ и грубостію одержими, *камени же и дереву помрачихомся служеніемъ*“.....

Къ той же эпохѣ лѣсной жизни нашихъ предковъ относится происхожденіе и, такъ называемыхъ, зооморфическихъ божествъ, которые такъ-же должны были явиться самымъ естественнымъ образомъ, какъ слѣдствіе изъ причины, изъ полудикаго состоянія обитателей лѣсовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя еще

способности ни къ какимъ отвлеченнымъ духовнымъ представленіямъ и стремясь всѣ свои религіозныя вѣрованія воплощать въ какихъ либо живыхъ образахъ, между тѣмъ живя въ лѣсу и не видя ничего, кромѣ только дикихъ звѣрей и птицъ, съ которыми приходилось сталкиваться почти на каждомъ шагу, наши предки—язычники и ухватились за эти знакомые имъ образы для выраженія въ нихъ своихъ духовныхъ представленій. Такимъ образомъ явился длинный рядъ божествъ, олицетворенныхъ подъ образами различныхъ животныхъ. Такъ божество солнца стали представлять подъ образомъ баснословной *Жаръ—птицы*, птицы *Вереницы*, сидящей на священномъ *дубѣ—стародубѣ*, божество молніи и грома—подъ образомъ Орла, летѣвшнго изъ—за Хвалынскаго моря и бросавшаго на землю кремни и кремницы, и проч. Нечего и говорить, что эти и другіе образы росли все больше и больше, и получали все большія осложненія и болѣе фантастическія формы, каковъ, напримѣръ, явился въ концѣ творчества нашихъ предковъ въ этомъ направленіи чудовищный и многосложный миѳическій *Змѣй Огненный*, *Змѣй—Горынчатъ*, который былъ и морскимъ чудовищемъ, и леталъ по небу на крыльяхъ *Жаръ-птицы*, сопровождая свой слѣдъ искрами и пламенемъ,—который по землѣ ѣздилъ на крылатомъ конѣ,—*сивкѣ—буркѣ*, *вѣщемъ—ковуркѣ*,—кричалъ по туриному, шипѣлъ по змѣиному, и въ тоже время имѣлъ нѣкоторые признаки человѣческаго образа. Въ народныхъ сказаніяхъ этотъ моментъ въ религіозно—нравственномъ міросозерцаніи нашихъ предковъ отмѣченъ весьма характерною повѣстію о путешествіи

Егорія Храбраго въ русскую землю, когда она еще была покрыта мракомъ язычества. Въ этой повѣсти представляется, что Егорій засталъ русскую землю сплошнымъ лѣсомъ, наполненнымъ зооморфическими образами; повсюду, куда онъ ни пріѣзжалъ и гдѣ послѣ распространилось христіанство, онъ находилъ только миѳическихъ птицъ, у самаго града Кіева (на вратахъ Херсонскихъ) сидѣла въ то время *Черногаръ—птица* и держала въ когтяхъ своихъ осетра рыбу. Разъѣзжая по русской землѣ, Егорій почти вовсе не встрѣчалъ людей,—вмѣсто людей, онъ наѣзжалъ, какъ сказано въ повѣсти, „на темные лѣса дремучіе", „на широкія рѣки быстро—текучія", „на горы толкучія", „на болота зыбучія", „на стада чудовищныхъ животныхъ, на стада летучихъ зміевъ и рыскучихъ волковъ", и проч... хотя пастухи послѣдняго стада и носили какъ будто обличье человѣческое, но и они имѣли тѣла, какъ *еловую кору*, а власы—какъ *кавылъ—траву*. Вотъ какъ въ народномъ сказаніи отразилось преданіе о томъ отдаленнѣйшемъ бытѣ нашихъ предковъ, когда они жили въ лѣсу и занимались звѣроловствомъ и пастушествомъ!

Кромѣ того, времена звѣроловнаго и пастушескаго быта нашихъ предковъ вызвали еще вѣрованіе въ особаго, такъ называемаго, *скотьяго бога Велеса*, или Волоса. И это вѣрованіе такъ-же составляло необходимый результатъ съ одной стороны отношенія ихъ къ стадамъ своимъ, съ другой—того отношенія къ нимъ боговъ, въ какомъ послѣдніе представлялись нашимъ предкамъ, какъ духи добрые, всецѣло заботящіеся объ интересахъ своихъ почи-

тателей. Въ самомъ дѣлѣ, пастухи, пасшіе свои стада въ лѣсу и получавшіе отъ нихъ для себя какъ пищу, такъ и одежду, естественно, ничего въ мірѣ не могли столько цѣнить и беречь, какъ эти стада свои, а отсюда и боговъ своихъ, какъ верховныхъ своихъ покровителей и защитниковъ, неиначе могли представлять себѣ, какъ подъ знакомымъ образомъ пастуховъ, стерегущихъ ихъ стада отъ звѣрей и пропажи, въ слѣдствіе чего славянскіе боги и назывались въ началѣ *спасами* отъ слова *пасти*. Но такъ какъ, по вѣрованію нашихъ предковъ—язычниковъ, боги находились повсюду въ природѣ; то что и стада свои стали видѣть они повсюду, и на землѣ и на небѣ. Потомъ: такъ какъ наши предки, все время проводившіе съ своими стадами и постоянно отбивавшіеся отъ нападенія дикихъ звѣрей, не могли не замѣтить и въ тѣхъ и другихъ различныхъ человѣкообразныхъ инстинктовъ, способностей и свойствъ, что для нихъ при ихъ дикомъ состояніи составляло достаточную причину предположить самую тѣсную связь и общеніе между человѣкомъ и звѣремъ и смотрѣть на всѣхъ животныхъ, какъ на подобныхъ и и равныхъ себѣ существъ: то, представляя боговъ своихъ подъ собственнымъ образомъ пастуховъ, наши предки—язычники весьма послѣдовательно и самыя божества свои сблизили съ стадами своихъ домашнихъ животныхъ до того, что въ воззрѣніяхъ своихъ поставляли однихъ на мѣсто другихъ; такъ что стада стали замѣнять для нихъ даже главныя ихъ божества солнца и свѣта. Вотъ гдѣ скрывается объясненіе того, почему наши предки въ то отдален-

нѣйшее время пастушеской жизни ущербъ свѣтила, или затмѣніе солнца приписывали *волку, поѣдающему рогатый скотъ*..... Отсюда же произошло и вѣрованіе въ волкодлановъ, оборотней, т. е. людей, превращающихся въ волковъ и другихъ звѣрей, потому что тогда считалось самымъ обыкновеннымъ представленіе не только человѣка, но и божества въ образѣ звѣрей, птицъ и проч.... Въ самомъ дѣлѣ, если все это такъ: то отъ чего же несчитать возможнымъ научиться обертываться по желанію— „яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ—золотые рога“, какъ это будто и дѣлали, по вѣрованію нашихъ предковъ, древне-русскіе волхвы? Послѣ этого будутъ совершенно понятны тѣ древнія произведенія народнаго творчества, въ которыхъ всѣ животныя, дикія и домашнія, птицы, рыбы и растенія представляются со всѣми свойствами человѣческой природы,—живущими и дѣйствующими подобно человѣку. По народнымъ преданіямъ, сохранившимся еще доселѣ, звѣри, птицы и растенія нѣкогда разговаривали, какъ люди,—поселяне доселѣ вѣрятъ, что на канунѣ новаго года домашній скотъ получаетъ способность говорить между собою по человѣчески, что пчелы во всякое время могутъ разговаривать съ маткой и другъ съ другомъ, что дятелъ стучитъ въ дерево съ отчаянія и т. д. Еще доселѣ можно услышать, какъ намъ и приводилось это, что, если на канунѣ праздника Богоявленія взять освященной въ церкви воды и сосудъ съ нею, крѣпко закупоривъ, зарыть въ землю, то, вырывши его на день Іоанна Предтечи, или на день Ивана Купалы (24 Іюня), въ промежутокъ времени между

утренею и обѣднею, нужно только окропить сею водою растенія въ лѣсу и на лугахъ, — и тогда можно услышать, какъ каждое изъ нихъ проговоритъ, хотя страшнымъ, но человѣческимъ голосомъ, о своихъ врачебныхъ, или вредоносныхъ свойствахъ. Такіе же разсказы о средствахъ заставить заговорить растенія человѣческимъ голосомъ, намъ попадались и въ древнихъ рукописныхъ *травникахъ* бывшей Соловецкой библіотеки (теперь находящейся въ К. Д. А.).

Но самымъ характернымъ памятникомъ религіозныхъ вѣрованій славянина—язычника, оставшимся отъ звѣроловнаго и пастушескаго быта его, служитъ вѣрованіе въ *лѣшаго*, или *лѣсоваго*. Это, по представленію нашихъ предковъ, былъ лѣсной духъ, „*Лѣсной демонъ*“, который во время земледѣльческаго быта олицетворялся подъ образомъ человѣческимъ. Какъ лѣсной духъ, онъ, по народному преданію, считался царемъ лѣса и всего, что въ немъ живетъ, царемъ кротовъ, мышей, медвѣдей, волковъ и проч..... и былъ особенно грозенъ и опасенъ во дни мѣсяца листопада, когда осень снимала съ лѣса послѣднюю зелень и когда остановить погасавшую растительность не было никакой возможности. Тогда, по вѣрованію нашихъ предковъ, *лѣсной демонъ* въ безсильной досадѣ ломалъ деревья, какъ тонкія трости, и вырывалъ землю на семь пядей; тогда всѣ звѣри старались прятаться въ глубокихъ берлогахъ, а птицы переставали пѣть. Такимъ образомъ значеніе образа *лѣшаго* въ историческомъ развитіи нашихъ предковъ состоитъ въ живомъ олицетвореніи той борьбы, которая происходила при переходѣ ихъ отъ одной

формы быта къ другой, отъ жизни звѣролововъ и пастуховъ къ жизни гражданственной, семейной и общественной. Этимъ значеніемъ *лѣшаго* въ славянскомъ міросозерцаніи объясняется такъ-же и то, почему онъ въ народныхъ сказаніяхъ представляется такимъ врагомъ всякой гражданственности, или общественности; ему всячески нужно было препятствовать переходу людей отъ жизни звѣролововъ къ жизни земледѣльческой и общественной, и—вотъ онъ съ этою цѣлью нападаетъ въ лѣсу на людей и начинаетъ щекотать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не умираетъ,—съ тою же цѣлью онъ и пастуховъ, возвращавшихся съ стадами домой, старался сбить съ дороги и заводить въ лѣсъ,—а такъ-же уносилъ въ лѣсъ дѣвицъ и приживалъ тамъ съ ними дѣтей; и вообще служитъ первымъ виновникомъ того, что люди блуждали въ лѣсу. Такой взглядъ на лѣшаго въ полной силѣ и неизмѣнности сохранялся до XVII вѣка,—сохраняется онъ и донынѣ, особенно въ лѣсныхъ губерніяхъ сѣверной Россіи.

Съ тѣмъ же самымъ характеромъ и значеніемъ борьбы старыхъ понятій съ новыми, какая необходимо имѣла мѣсто при переходѣ нашихъ предковъ отъ лѣсной жизни къ земледѣльческой, служитъ еще древне—языческое вѣрованіе въ, такъ называемыхъ, *полудницъ*, или, *кикиморъ*. По представленію нашихъ предковъ, полудница считалась сверхъестественнымъ духомъ и олицетворялась въ видѣ безобразной старухи съ вклокоченными волосами; вооруженная серпомъ она особенно казалась страшною въ полдень, когда безжалостно срубала головы всѣмъ, кто не могъ противостоять ея распросамъ,

и кто въ полдень замѣшкивался на работѣ. Кромѣ того, полудница, по вѣрованію нашихъ предковъ, сидѣла въ полдень въ темныхъ хлѣвахъ и высматривала неспящихъ дѣтей, особенно во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, или же скрывалась въ густой травѣ огородовъ, и какъ скоро подмѣчала неспящихъ дѣтей, или выходящихъ на огородъ, тотъчасъ, схвативъ ихъ, уносила съ собой и убивала въ своей желѣзной ступѣ. Таковъ былъ созданъ воображеніемъ нашихъ предковъ другой образъ, олицетворявшій враждебныя отношенія дикаго поколѣнія, жившаго въ лѣсу къ другому, перешедшему къ мирной земледѣльческой жизни!

Но вотъ переходъ отъ звѣроловнаго быта нашихъ предковъ къ земледѣльческому, наконецъ, закончился; тогда наступаетъ новый фазисъ въ развитіи славяно-русскаго язычества, — являются нѣкоторыя новыя вѣрованія сообразныя съ новыми условіями быта. И такъ какъ благосостояніе человѣка въ новомъ быту и даже самое существованіе его всецѣло зависѣло отъ плодородія земли: то при такомъ значеніи земли славянинъ — язычникъ прежде всего и самымъ необходимымъ путемъ пришелъ къ *обоготворенію земли*. Въ самомъ дѣлѣ, теперь, когда славянинъ—язычникъ сталъ заниматься земледѣліемъ, онъ ясно и непосредственно увидѣлъ, что земля для него стала тѣмъ-же, чѣмъ прежде для звѣроловов были лѣса, а для пастуховъ — стада, т. е. общею кормилицею и матерью, въ рукахъ которой находилась вся жизнь его, и которая могла дать и не дать необходимой пищи какъ ему, такъ и его домашнимъ животнымъ. А этого, повторяемъ, было достаточно для грубаго

человѣка, чтобы признать землю божествомъ и въ благоговѣйномъ трепетѣ поклониться ей, назвать ее характернымъ языкомъ своимъ *„матерью сырою землею“*, и обращаться къ ней съ молитвами. Такъ особенно въ мѣсяцъ *Серпень*, или *Жнѣйскъ* наши предки обращались къ своей матери сырой землѣ съ просьбою объ избавленіи ихъ отъ всякой злой силы. „Мать—сыра земля! молились они.—Уйми ты всяку гадину начистую отъ приворота, оборота и лихаго дѣла“. И послѣ молитвы лили на землю масло—какъ жертву божеству. Теперь понятно и то, почему славянинъ—язычникъ называлъ землю *святою*. Представляя землю божествомъ, онъ иначе и не могъ ее назвать, какъ святою, словомъ приличнымъ преимущественно только божеству.... Потому же самому онъ вѣровалъ и въ всемогущую силу земли какъ въ караніи, такъ и въ благоволеніи, и считалъ уже за послѣднее несчастье, выше котораго ничего не можетъ быть, если *святая земля отвергнетъ человѣка*. Вотъ почему, когда хотѣли излить на кого нибудь всю злобу свою, или горечь, произносили предъ землею слѣдующее заклинаніе: *„земля бы святая не принимала его!!!“* Грознѣе этого проклятія для славянина — язычника ничего не существовало, но кстати припомнимъ, что и нынѣ для простаго человѣка земля представляется въ томъ же значеніи матери сырой земли, святой земли. Понятное дѣло, что и на оборотъ ничѣмъ нельзя было выразить болѣе пріятныхъ и высокихъ благожеланій кому-либо, какъ благожеланій, опять высказанныхъ во имя своей благословенной матери - земли. „Будь здоровъ и богатъ, какъ земля святая“—считалось у славянъ—язычниковъ самымъ благожела-

тельнымъ привѣтствіемъ! Такимъ образомъ оказывается, что ученіе нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ о томъ, что вмѣсто священника надобно каяться землѣ, покланяясь ей, отзывается прямо остатками религіозно-языческаго культа земли.

Вмѣстѣ съ обоготвореніемъ земли, по самому естественному ходу вещей, славянинъ—язычникъ обоготворилъ и произведенія ея. Таковъ былъ древне-языческій обычай *поклоненія и моленія хлѣбу*, сопровождавшійся *„кликаньемъ плуга"*. Памятникомъ этого обычая можетъ служить одна колядская пѣсня, которую пѣли за столомъ передъ плугомъ: „А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ: слава! Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ: слава"! Этотъ обычай былъ изъ самыхъ торжественныхъ и любимыхъ и долго удерживался въ народѣ, даже и тогда, когда явилось у насъ христіанство, а раскольники держались его даже въ XVII вѣкѣ. Такъ патріархъ Никонъ на соборѣ 1655 г. прямо указывалъ на этотъ древне-языческій обычай, *„хлѣбопоклонническій"*, и осуждалъ современныхъ ему раскольниковъ за то, что они *неосвященнымъ хлѣбомъ* божественную честь воздавали, покланялись и припадающе *молились хлѣбамъ*, аки невѣжи нѣкія странно вѣрствующія и хлѣбопоклонники". И что же?—Нашелся, вѣдь, человѣкъ, именно—Павелъ Коломенскій, который горячо возражалъ патріарху, говоря, что это хлѣбопоклоненіе есть *„шестисотый обычай"*, а нечужевѣрный хлѣбопоклоническій!!.. Но не говоря о временахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ нашего, не найдемъ-ли мы остатковъ этого языческаго обычая и въ наше время въ простомъ народѣ? Извѣстно, съ какимъ ува-

женіемъ, чтобъ не сказать, благоговѣніемъ, нашъ простой народъ относится къ хлѣбу. *„Батюшка—хлѣбецъ!“* *„Кормилецъ нашъ!“* *„Божій хлѣбъ!“* — вотъ имена, съ которыми нашъ народъ обращается обыкновенно къ хлѣбу! Потомъ кто не знаетъ, что въ народѣ считается великимъ грѣхомъ наступить ногою на кусокъ хлѣба, или не поднять его съ пола, а такъ-же ронять крошки хлѣба со стола на полъ во время трапезы? Изъ того же языческаго взгляда на хлѣбъ объясняется и тотъ народный обычай, по которому ломотъ хлѣба даютъ съѣсть лошади предъ самымъ важнымъ въ жизни земледѣльца моментомъ, именно—предъ запахиваніемъ посѣянной ржи.

Воздѣлывая землю, славянинъ—язычникъ до того привыкалъ къ выбранному имъ мѣсту, что ему было слишкомъ трудно оторваться отъ него. Эта привязанность къ одному мѣсту запечатлѣна имъ въ самыхъ названіяхъ мѣстъ поселенія, которыя обозначались словами — *„коренъ“*, *„сѣдѣнье“*, и проч. — Но укоренившись на одномъ мѣстѣ, славянинъ — язычникъ въ первый разъ въ своей убогой хижинѣ сталъ проводить большую часть времени съ подобными себѣ; теперь онъ уже не рыскалъ по лѣсу въ охотѣ за звѣрями и не тупѣлъ на полевыхъ пастьбищахъ съ его стадами безсловесныхъ животныхъ,—теперь онъ проводилъ мирную жизнь въ кругу членовъ роднаго семейства, связанныхъ другъ съ другомъ общими интересами и инстинктивными чувствами и вотъ тогда онъ, хотя смутно, почувствовалъ, что онъ совсѣмъ не то, что вся остальная природа физическая со всѣми явленіями, въ ней происходящими. А разъ проведши раздѣльную черту

между собою и остальною природою, онъ почувствовалъ себя безъ нравственной опоры и какъ бы на произволъ судьбы брошеннымъ, особенно въ виду тяготѣвшаго подъ нимъ влiянiя стихiй природы,— призывать же себѣ въ покровители господствовавшихъ до того *духовъ водъ, камней, лѣсовъ, озеръ, рѣкъ* и т. д., онъ теперь не могъ по той причинѣ, что сознал, какъ мы сказали, свою природу независимою отъ физической, а всѣ означенные духи служили олицетворенiями силъ и стихiй именно этой послѣдней, и—вотъ онъ создаетъ для себя, для *своего рода* спецiально, или для собственно человѣческаго поколѣнiя новыхъ и особыхъ божествъ. Такъ произошло вѣрованiе въ *духа домоваго, въ родъ* и *рожженицу*, и проч. Съ этого фазиса въ развитiи славянорусскаго язычества прежнiе зооморфическiе образы божествъ постепенно стали замѣняться представленiями ихъ подъ формою человѣческою; теперь стали развиваться и духовныя способности его, способности къ самоуглубленiю и размышленiю, чему много содѣйствовали тѣ родовые и семейные совѣты, которые происходили у нихъ касательно воздѣлыванiя земли и веденiя домашняго хозяйства. Само собою разумѣется, что съ теченiемъ времени сознанiе славянина—язычника развивалось все болѣе и болѣе,— онъ понялъ, что его природа несравненно выше физической и потому не она должна была бы подчиняться послѣдней, а послѣдняя—первой; но въ тоже самое время онъ чувствовалъ и весь гнетъ своего порабощенiя внѣшней природѣ и не могъ разомъ освободиться изъ подъ владычества тѣхъ божествъ, которыя были созданы его же предшествующею жиз-

нію и міросозерцаніемъ, а это міросозерцаніе было таково, что повсюду, куда бы онъ ни пошелъ, даже на что-бы ни взглянулъ, на лѣсъ, горы, озера, рѣки, камни и т. д., онъ невольно чувствовалъ надъ собою тяготѣвшее вліяніе прежнихъ божествъ, невольно преклонялся и предъ грозными явленіями грома и молніи, и предъ разрушительными дѣйствіями наводненій и бури. Надобно-ли говорить, что въ такомъ положеніи противорѣчія между сознаніемъ своей независимости и порабощеніемъ внѣшней природѣ славянинъ—язычникъ не могъ оставаться навсегда,— оно должно же было разрѣшиться тѣмъ или другимъ исходомъ. Какое же средство къ тому было избрано имъ? Средство самое подходящее къ духовному развитію нашихъ предковъ, самое фантастическое и таинственное и тѣмъ казавшееся всесильнымъ, это— заговоры и заклятія своихъ божествъ. Такъ, когда славянинъ—язычникъ чувствовалъ слишкомъ тягостное давленіе внѣшней природы, тотъ-часъ обращался или, подобно Ярославлѣ, къ божеству вѣтра съ извѣстнымъ заклинаніемъ: „о вѣтре!... вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши“?... и т. д., или къ священной дубравѣ съ другимъ заклинаніемъ: „Не шуми ты мати дубрава! Не мѣшай мнѣ думу думати“!..., или къ божеству солнца, къ Днѣпру и вообще ко всѣмъ стихіямъ природы. Отсюда, на заговоры и заклинанія разнаго рода въ развитіи славяно-русскаго язычества надобно смотрѣть, какъ на выраженіе протеста человѣка, сознавшаго свою независимость, противъ порабощенія природы физической,— или какъ на выраженіе стремленія его возвыситься надъ грубыми стихіями и стать ихъ полнымъ госпо-

диномъ. Славянинъ—язычникъ какъ-бы такъ разсуждалъ: „моя природа совершенно отлична и выше окружающей,—она свободна и независима; если-же стихійныя силы и порабощаютъ меня, то противъ нихъ и я, въ свою очередь, имѣю средства въ заговорахъ и заклятіяхъ; все дѣло только въ томъ, чтобы умѣть заговорить стихійныя силы; если я не съумѣю этого сдѣлать, то сдѣлаетъ другой, третій и т. д. но кто-нибудь да долженъ непремѣнно съумѣть заговорить внѣшнія стихія,—всякое иное положеніе будетъ уже не въ порядкѣ вещей". Такимъ образомъ сознаніе человѣческой свободы и превосходства надъ окружающею природой и увѣренность въ побѣдѣ надъ нею вызвало въ славяно-русскомъ язычествѣ самое интересное явленіе особыхъ людей, такъ называемыхъ, *вѣщихъ людей*, *вѣдуновъ*, или *волхвовъ*, которые умѣли заклинать, или заговаривать всякія стихіи природы. Если, напримѣръ, небо не даетъ дождя, то *вѣдунъ* можетъ произнести извѣстное заклятіе и дождь польется,—по заклятьямъ волхвовъ и разрушительныя потоки водъ останавливаются и входятъ въ свои предѣлы,—словомъ вѣдуны, по представленію нашихъ предковъ — язычниковъ, могли повелѣвать природою по произволу, такъ-какъ они обладали знаніемъ всѣхъ тайнъ природы. Вотъ почему какъ только рождался волхвъ, вся природа, какъ это изображается въ одномъ древнемъ народномъ сказаніи, приходила въ неописанный трепетъ, какъ-бы напередъ предчувствуя все могущество новорожденнаго, всю чародѣйскую силу его заклинаній. Нельзя не сознаться, что такой образъ торжества славяно-русской мысли надъ тяготѣвшею надъ ней природой, создан-

ный народною фантазіею, заключаетъ въ себѣ не мало поэтическаго. Такъ въ одномъ древне-русскомъ стихотвореніи о волхвѣ Всеславьевичѣ, родившемся, по свидѣтельству Нестора, отъ волхвованія, говорится, что когда въ Кіевѣ „родился волхвъ Всеславьевичъ, то задражала мать — сыра земля, сотряслося словно царство индѣйское, и сине море сколебалося для ради рожденья молодаго волхва“, при чемъ всѣ животные разбѣжались,—рыбы ушли въ самую морскую глубину, птицы взлетѣли высоко въ небеса, туры и олени за горы ушли, зайцы и лисицы въ лѣсныя трущобы, соболи и куницы—по островамъ“.

Нетрудно понять, что при такомъ взглядѣ на вѣдуновъ, послѣдніе въ глазахъ славянина—язычника должны были пользоваться безусловнымъ авторитетомъ и силою; одного слова угрозы волхва было достаточно, чтобы заставить трепетать человѣка; одному слову его, какъ бы волшебному мановенію, покарялись цѣлыя народныя массы. И вотъ въ этомъ-то фазисѣ развитія славяно-русскаго язычества, въ это-то время явленія у насъ *вѣдунства* приходитъ къ намъ изъ Византіи христіанское просвѣщеніе, и начинается борьба между свѣтомъ и тьмою, между христіанскими пастырями и представителями темнаго язычества. Пользуясь безотчетнымъ довѣріемъ къ себѣ народа, волхвы представили въ своемъ лицѣ самый сильный оплотъ противъ распространенія у насъ христіанства, такъ что безъ усилія могли совращать снова въ язычество уже просвѣщенныхъ христіанскою вѣрою, почему нерѣдко и случалось то, что многіе по нѣскольку разъ переходили отъ христіанства къ язычеству и отъ язычества къ хри-

стіанству, или же только принимали христіанское имя, а жили по прежнему, по язычески, какъ это видно изъ многочисленныхъ обличительныхъ словъ тогдашнихъ пастырей. Другой порядокъ вещей, однако, при изложенныхъ нами обстоятельствахъ, и невозможенъ былъ. Въ самомъ дѣлѣ, по вѣрованію славянина—язычника, *вѣдунъ* имѣлъ ключъ отъ всякой тайны природы и владѣлъ всѣми средствами, чтобъ господствовать надъ нею, онъ умѣлъ ее заклясть, заговорить и по желанію произвести тѣ или другія ея явленія, или измѣнить ихъ, къ каковому взгляду на вѣдуна славянинъ—язычникъ пришелъ самымъ естественнымъ и необходимымъ путемъ своего многовѣковаго развитія,—явленіе вѣдунства составляетъ самый послѣдовательный продуктъ, или результатъ всей суммы предшествовавшихъ воззрѣній и имѣетъ корень свой, такъ сказать, въ крови и плоти его, въ тайникѣ психологическихъ законовъ развитія человѣчества; потому явленіе *вѣдунства* для славянина—язычника было явленіемъ роднымъ и понятнымъ безъ всякаго напряженія мысли. Что же касается христіанства, заставшаго нашихъ предковъ на этой ступени религіозно-языческаго развитія, то оно по высотѣ и чистотѣ Богооткровенныхъ истинъ, естественно, встрѣтило въ духовномъ міросозерцаніи нашихъ предковъ каменистую для себя почву и, поэтому, могло не прививаться къ ней внутренно, а только механически примыкать къ ней, или же усвояться въ однихъ только наружныхъ проявленіяхъ и обрядахъ, и въ этомъ отношеніи смѣшиваться съ языческими обрядами и церемоніями. Сѣмя евангельской проповѣди только тогда не без-

плодно лежало бы на этой почвѣ, когда послѣдняя была бы воздѣлана временемъ, т. е. когда бы славянинъ—язычникъ самымъ теченіемъ собственной жизни и духовнаго развитія пришелъ къ сознанію несостоятельности своихъ религіозныхъ воззрѣній, или, по крайней мѣрѣ, заподозрилъ бы ихъ въ шаткости. А такъ какъ обстоятельства, при которыхъ пришло къ намъ христіанство, были другія; такъ какъ по духовному развитію своему наши предки не были достаточно подготовлены къ принятію столь высокой религіи Христовой, то и произошли всѣ тѣ печальныя явленія двоевѣрія, суевѣрія и вообще смѣшенія язычества съ христіанскими истинами, которыя (явленія) отзываются еще доселѣ, особенно въ простомъ народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, обратитесь къ исторіи христіанскаго просвѣщенія въ Россіи, и—вы увидите, какъ медленно и туго проникали въ народное сознаніе чистѣйшія истины христіанства, и какъ неохотно народъ разставался съ своими языческими вѣрованіями и обрядами, вообще съ характеромъ своего міросозерцанія. Прежде всего наши глаза поражаются извѣстнымъ произведеніемъ „Слова о Полку Игоревѣ“, въ которомъ вполнѣ и безраздѣльно господствуетъ языческое міросозерцаніе,—предзнаменаванія, сны, обращеніе къ олицетвореннымъ стихіямъ природы—все противное духу христіанства; между тѣмъ это произведеніе, по соображеніямъ критики, могло явиться не раньше XII вѣка, т. е. спустя 200 лѣтъ послѣ формальнаго введенія у насъ христіанства. Потомъ въ половинѣ XII и въ XIII в. видимъ постоянное обличеніе въ народѣ языческихъ суевѣрій и обычаевъ,—а начиная съ XIV в.

до временъ Тихона Воронежскаго сохранилось не мало окружныхъ посланій и грамотъ, запрещавшихъ „бѣсовенія игрища“ съ пѣснями, и множество другихъ обличеній языческихъ вѣрованій и обрядовъ, которые народъ часто примѣшивалъ къ обрядамъ христіанскимъ, понимая послѣдніе въ смыслѣ языческомъ.

П. Озерецкій.

РАЗНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Дѣйственность церковной проповѣди. Не рѣдко говорятъ и пишутъ, что проповѣдь слова Божія безполезна, такъ какъ она не достигаетъ своей цѣли—не производитъ никакого вліянія на умы и сердца слушателей. Если проповѣдь краснорѣчива и при этомъ отвѣчаетъ на современные вопросы жизни, ее слушаютъ съ интересомъ; иногда восхищаются ею, но и только: дальше церковнаго порога вліяніе какой бы то ни было проповѣди не простирается. Къ крайнему сожалѣнію нельзя не замѣтить, что этотъ совершенно фальшивый взглядъ на проповѣдное слово раздѣляется и нѣкоторыми (хотя весьма немногими) сельскими пастырями здѣшней епархіи, какъ это они сами заявляютъ въ своихъ „свѣдѣніяхъ о религіозно-нравственномъ состояніи своихъ прихожанъ.“ Едва-ли ошибемся, если такое отрицательное отношеіе къ церковной проповѣди объяснимъ или недостаткомъ усердія помянутыхъ пастырей къ добросовѣстному исполненію лежащей на нихъ учительской обязанности, или же ложными понятіями о характерѣ церковнаго слова.

Простой народъ вообще съ большимъ вниманіемъ слушаетъ поученія своего пастыря, но если эти поученія страдаютъ схоластическою отвлеченностію, если они мало примѣнимы къ понятіямъ, складу представленій и особенно къ обстоятельствамъ жизни народа, то, конечно, трудно ожидать, чтобы такія проповѣди были назидательны, способствовали бы очищенію религіозно-нравственнаго міросозерцанія народа, доселѣ не отрѣшившагося отъ нѣкоторыхъ традицій язычества, содѣйствовали бы искорененію пороковъ и возвышенію добрыхъ сторонъ простонародной жизни. Но есть факты, краснорѣчиво свидѣтельствующіе, что проповѣдь, удачно приспособленная къ состоянію слушателей, не только поддерживаетъ неослабное вниманіе къ себѣ, но производитъ благодѣтельное дѣйствіе на исправленіе нравственныхъ недостатковъ—и искорененіе различныхъ не христіанскихъ обычаевъ, которыми такъ еще обильна жизнь православнаго люда. Въ „Рязанскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ читаемъ, что прихожане села Чуриковъ (скопинскаго уѣзда), издавна провождавшіе сырную недѣлю въ повальномъ разгулѣ и пьянствѣ (ибо не только взрослые мужчины предавались пьянству, но и женщины, даже несовершеннолѣтнія дѣвицы, волею или неволею, во имя дружбы доходили въ винопитіи до неумѣренности) въ нынѣшніе годы, *внявъ вразумительнымъ поученіямъ своего священника*, и убѣдившись въ сильномъ вредѣ пьянства, вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду проводятъ всю сырную недѣлю благочестиво и трезво. Вслѣдствіе воздержанія отъ вина между ними не слышно пѣсенъ, прежде раздиравшихъ цѣломудренный слухъ, не видно безчиній,

отъ которыхъ прежде не разъ приходилось доброму человѣку потуплять свой взоръ. Даже такое, по-видимому, невинное удовольствіе,— каково катанье прекратилось. Тѣмъ болѣе скромными и воздержными показываютъ себя помянутые прихожане во время св. четыредесятницы. Въ прошломъ году въ продолженіе всего великаго поста никогда не замѣчалось между ними пьяныхъ; даже тѣ изъ нихъ, которые не въ силахъ навсегда отстать отъ хмѣльныхъ напитковъ, во время поста воздерживались отъ нихъ; а нѣкоторые даже изъ закоренѣлыхъ пьяницъ рѣшились совершенно отстать отъ употребленія водки,— и вотъ, къ сверхчаянной радости своихъ семействъ, нѣкоторые въ продолженіи года, а иные и болѣе, вовсе не употребляютъ ничего хмѣльнаго.

Кромѣ того, съ незапамятныхъ временъ у означенныхъ прихожанъ было обыкновеніе, по вступленіи въ бракъ, нѣсколько лѣтъ уклоняться отъ св. причащенія, а въ прошломъ году новобрачные почти всѣ приходили на исповѣдь и удостоились причащенія св. таинъ. Примѣръ чуриковскихъ прихожанъ не остался безплоднымъ; ему послѣдовали прихожане сосѣднихъ селъ: Катина и Покровскаго.—Случается, что одушевленное слово пастыря располагаетъ слушателей оказывать помощь нашимъ ближнимъ, подвергающимся тѣмъ или другимъ бѣдствіямъ. Какъ отрадно было прочитать, наприм., извѣстіе о прихожанахъ с. Русскаго Качима, которые, услышавъ въ храмѣ слово своего пастыря, о. *В. Ильминскаго*, о бѣдствіяхъ православныхъ жителей Босніи и Герцеговины, въ самомъ же храмѣ собрали отъ своихъ скудныхъ средствъ 11 рублей въ пользу несчастныхъ

страдальцевъ. Подобный фактъ дѣйственности церковнаго поученія на слушателей въ здѣшней епархіи уже не первый....

Внѣцерковныя собесѣдованія пастырей съ прихожанами. Мы уже имѣли случай говорить о пользѣ и важности этихъ собесѣдованій, которыми можетъ значительно обезпечиваться успѣхъ и самой церковной проповѣди *). Научая своихъ прихожанъ вѣрѣ и жизни христіанской, пастырь въ живыхъ бесѣдахъ съ ними и самъ пріобрѣтаетъ много полезныхъ свѣдѣній чрезъ непосредственное знакомство съ понятіями, нравами, обычаями и языкомъ прихожанъ, что составляетъ совершенно необходимое условіе для успѣха пастырскихъ наставленій. Къ чести духовенства здѣшней епархіи надобно сказать, что многіе просвѣщенные представители его, понимая все значеніе внѣцерковныхъ собесѣдованій, ввели ихъ въ своихъ приходахъ и уже видятъ благоплодность этого дѣла, выражающуюся въ томъ, что прихожане не только сознательнѣе и разумнѣе усвоиваютъ истины христіанскаго вѣроученія, но и начинаютъ мало помалу отставать отъ тѣхъ порочныхъ и грубыхъ удовольствій, съ которыми обыкновенно проводятся въ нашемъ народѣ праздничные и воскресные дни. Чтобы облегчить для пастырей самый способъ веденія внѣцерковныхъ бесѣдъ, мы время—отъ—времени будемъ сообщать въ Вѣдомостяхъ, какъ именно ведутся эти бесѣды священниками разныхъ епархій. Въ настоящій разъ обращаемъ вниманіе на помѣщенный въ „Курскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ годичный отчетъ о воскресныхъ

*) См. Пенз. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 21, ст. „По вопросу объ уменьшеніи праздничныхъ дней въ народѣ“.

церковныхъ собесѣдованіяхъ съ прихожанами при одной изъ Курскихъ пригородныхъ церквей. Замѣчательно, что собесѣдованія начались по инициативѣ самихъ прихожанъ: и мѣстный священникъ въ теченіе двухъ лѣтъ за каждой литургіей имѣлъ обычай произносить изустное поученіе, и этимъ такъ возбудилъ въ своихъ слушателяхъ вниманіе къ слову Божію, что они просили его доставить имъ возможность чаще и дольше слушать его поученія. Лучшимъ средствомъ для удовлетворенія этой потребности священникъ призналъ воскресныя собесѣдованія, которыя были открыты. Предметомъ собесѣдованій избрано было евангеліе и именно воскресныя чтенія изъ него. Порядокъ собесѣдованія былъ таковъ: прочитывалось изъ евангелія положенное зачало сначала по славянски, а потомъ по—русски и затѣмъ предлагалось толкованіе, болѣе или менѣе обширное, смотря по характеру зачала. Такимъ образомъ слушатели были ознакомлены со всѣми главными пунктами христіанскаго вѣроученія и нравоученія; послѣднее излагалось въ связи съ догматическимъ ученіемъ и особенными нуждами слушателей. „Мнѣ—говоритъ почтенный авторъ отчета—знакомы были и свѣтлыя и темныя стороны ихъ жизни, ихъ особенныя радости и скорьби, и смотря потому, съ какими изъ сихъ явленій стоитъ въ связи содержаніе объясненнаго зачала, я вносилъ въ ихъ духовный міръ то или другое слово христіанской истины“. Такъ при объясненіи евангелія въ недѣли 3, 8, 22, 26 и 35-ю онъ въ присутствіи бѣдняковъ (а они составляли $^2/_3$ всѣхъ слушателей) старался изобразить пути промышленія о нихъ Небеснаго Отца и

тѣмъ примирить съ своею тяжелою долею. „На сколько — замѣчаетъ авторъ — утѣшало ихъ мое слово, полное искренняго сочувствія, не мало уже свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что они принадлежатъ къ числу усердныхъ посѣтителей этихъ бесѣдъ“. На людей болѣе зажиточныхъ добрыя рѣчи священника также оказывали немалое вліяніе: подъ вліяніемъ разсужденій о благотворительности, они, по предложенію священника, неразъ дѣлали посильныя пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, такъ что изъ этихъ пожертвованій составилось однажды 72 р., которые и поступили въ пользу мѣстныхъ погорѣльцевъ. По словамъ автора, онъ успѣлъ, опираясь на слово Божіе, убѣдить матерей въ необходимости болѣе внимательнаго надзора надъ нравственностію своихъ дочерей, а отцовъ—въ необходимости болѣе мягкихъ отношеній къ сыновьямъ. У насъ большая часть родителей смотритъ на возрастныхъ дѣтей, какъ только на доходную статью, держатъ ихъ въ крайне тяжелой и подчасъ обидной зависимости отъ себя, даже въ маловажныхъ дѣлахъ; отсюда возникаетъ множество семейныхъ раздоровъ, не рѣдко кончающихся гибельнымъ для обѣихъ сторонъ семейнымъ раздѣломъ. Батюшка съумѣлъ если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ ослабитъ это зло. На этихъ собесѣдованіяхъ немало также сдѣлано для искорененія предразсудковъ и разныхъ пороковъ, разъѣдающихъ жизнь нашего простолюдина.

Въ нѣсколькихъ церквахъ открыты бесѣды приходскихъ священниковъ въ Саратовѣ. Въ бесѣдахъ этихъ предлагается объясненіе истинъ христіанской вѣры, разсказы изъ священной и церковной исторіи;

иногда прочитывается что—либо назидательное. Бесѣды эти бываютъ въ воскресные дни, послѣ вечеренъ, и всегда посѣщаются достаточнымъ числомъ слушателей.

Церковно—приходскія попечителъства, шире и шире развивая свою дѣятельность, иногда поднимаютъ вопросы съ цѣлію наиболѣе точнаго опредѣленія своихъ правъ и обязанностей. По поводу нѣсколькихъ такихъ вопросовъ Таврическая духовная Консисторія представила свои разъясненія, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1. Попечительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ созывать прихожанъ на общее собраніе чрезъ сельскаго старосту и волостное правленіе, но согласно съ положеніемъ о церковно-приходскихъ попечительствахъ, священникъ долженъ самъ извѣщать прихожанъ о днѣ, мѣстѣ и цѣли собранія въ церкви, при стеченіи народа, въ три, предшествующіе собранію, воскресные или праздничные дня. Попечительству, какъ корпораціи, преслѣдующей не свои общіе интересы, а цѣлаго общества, коего оно служитъ органомъ, нѣтъ законныхъ причинъ принуждать прихожанъ составлять общія собранія въ полномъ составѣ ихъ, когда нѣтъ на то согласія самихъ же ихъ. 2. Приходское попечительство можетъ просить содѣйствія у волостнаго правленія для приведенія въ исполненіе своихъ предположеній, когда на оныя изъявило согласіе общество, какъ и вообще законъ дозволяетъ извѣстнымъ обществамъ и компаніямъ (5020 ст. 11 т. св. зак.) просить судъ о побужденіи къ исполненію договоровъ или обязательствъ заключившихъ оные (приговоръ общества тоже самое, что и договоръ или

обязательство). 3. Попечительство должно отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ обществу—приходу, которымъ оно учреждается и интересы котораго преслѣдуетъ своею дѣятельностію; но волостное правленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ контролировать дѣйствія попечительства. Отношеніе церковно—приходскаго попечительства къ крестьянскому управленію въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ сталкиваются интересы того и другаго, какъ напримѣръ, въ учрежденіи приходскихъ школъ, больницъ и богадѣленъ—ясно разскрыто въ 1-мъ отд. выписки изъ журнала Государственнаго Совѣта относительно устройства приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ, именно: попечительство въ органахъ волостнаго и сельскаго управленія можетъ встрѣчать возможное содѣйствіе. Но просить содѣйствія у волостнаго правленія въ чемъ—либо не означаетъ того, чтобы попечительство подчинялось контролю его въ кругу своей дѣятельности.

4. Право распоряженія въ попечительскихъ учрежденіяхъ принадлежитъ цѣлой корпораціи попечительства, а не единицѣ наприм.—волостному старшинѣ.—Волостной старшина—по положенію о попечительствахъ—непремѣнный только членъ оныхъ, и голосъ его при рѣшеніяхъ дѣлъ попечительскими засѣданіями, по большинству голосовъ, имѣетъ одинаковую силу и значеніе съ голосами другихъ членовъ.

5. Попечительство не имѣетъ права принимать какія—либо мѣры къ исправленію народной нравственности, такъ какъ это не относится къ его дѣятельности (см. 1 и 5 пун. положенія о прих. попечительствахъ).

6. Приходскій священникъ (замѣтимъ кстати) не можетъ принимать участія въ дѣлахъ мірскаго схода; законы духовные опредѣляютъ наказаніе за вмѣшательство священно-церковно-служителей въ мірскія дѣла.

Объ участіи духовенства въ земскихъ собраніяхъ. На основаніи 25 ст. полож. о земск. учрежденіяхъ, только тѣ получаютъ право участвовать въ выборахъ уполномоченныхъ, которые лично являются въ земскія собранія. Напрасно поэтому иногда жалуются священники на то, что предсѣдатели помянутыхъ собраній не принимаютъ присылаемыхъ ими довѣренностей, вслѣдствіе чего изъ священно-служителей избирается уполномоченныхъ меньше, чѣмъ сколько слѣдовало бы избрать ихъ по расчету земли, числящейся за ними. Подобныя довѣренности лицъ отсутствующихъ не имѣютъ здѣсь никакого значенія.

О произвольныхъ сборахъ. Въ Донской епархіи Аѳонскій монахъ Ѳеодосій произвольно занимался сборомъ подаяній, за что и былъ арестованъ. Въ виду подобнаго вѣроятно не единственнаго факта священникамъ, на основаніи указа св. Сунода отъ 6 Іюля 1864 года, слѣдуетъ строго наблюдать, чтобы иностранцы отнюдь не дозволяли себѣ производить сборовъ въ пользу заграничныхъ церквей и монастырей безъ надлежащаго на это разрѣшенія. Если же гдѣ появятся таковые сборщики, немедленно сообщать о нихъ полиціи и Епарх. Начальству.

О введеніи въ должность новоопредѣленныхъ священниковъ. Вопреки 35 и 36 статьямъ благочиннической инструкціи, о. о. благочинные не всегда вводятъ

лично въ должность священниковъ, определяемыхъ къ церквамъ ихъ округа, и неповѣряютъ вмѣстѣ съ ними церковнаго имущества и документовъ. Если со временемъ обнаружится утрата того или другихъ, какъ это, наприм., случилось недавно въ Варваринской церкви Грушевской станицы (Донской епархіи), гдѣ неоказалось значительнаго количества метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей, кто тогда будетъ въ отвѣтѣ?

Разрѣшеніе споровъ, возникающихъ между выходящими и поступающими на ихъ мѣсто священнослужителями изъ—за домовъ и другихъ построекъ. Новгородская консисторія установила для благочинническихъ совѣтовъ, на обязанности которыхъ лежитъ разрѣшеніе упомянутыхъ споровъ, слѣдующія правила, утвержденныя Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Исидоромъ:

1. Если кто—нибудь изъ священно-церковно-служителей, переходя отъ одной церкви къ другой, оставляетъ на церковной землѣ домъ и другія постройки, выстроенныя изъ матеріала, пріобрѣтеннаго на собственныя средства, то благочинному вмѣняется въ обязанность располагать приходское попечительство или прихожанъ, чтобы домъ съ постройками пріобрѣтенъ былъ на средства попечительства или прихожанъ въ собственность церкви, для помѣщенія преемника выбывшему члену причта.

2., Если и попечительство и прихожане окажутся для покупки построекъ несостоятельными, а въ церкви есть достаточная свободная сумма, то покупка построекъ можетъ быть сдѣлана на церковныя деньги, съ обязательствомъ прихожанъ, чтобы они повремен-

но выплачивали затраченную на постройки сумму, или даже безъ обязательства, если сего последняго прихожане на себя не примутъ.

3., Можетъ, если пожелаетъ, купить постройки на свои средства и членъ причта, поступающій на мѣсто выбывшаго.

4., Стоимость построекъ, кто-бы ни покупалъ ихъ, попечительство-ли, прихожане или церковь, или членъ причта, во всякомъ случаѣ, опредѣляется коммисіею, составленноюизъ священно-церковно-служителей, старосты церковнаго и почетнѣйшихъ прихожанъ.

5., Хозяинъ обязывается продать постройки по цѣнѣ, назначеной коммисіею, а въ случаѣ несогласія на эту цѣну, постройки свои съ церковной земли долженъ снести.

6., Если постройки не могутъ быть куплены ни въ церковь, ни въ собственность кого-либо изъ причта, то онѣ могутъ оставаться на своемъ мѣстѣ въ томъ случаѣ, когда между перемѣняющимися по церкви членами состоится добровольное соглашеніе такого рода, что предшественникъ представитъ преемнику своему право, на опредѣленный по взаимному условію срокъ, пользоваться безплатнымъ помѣщеніемъ въ его домѣ, а по прошествіи назначеннаго срока обяжется продать, или снести свои постройки.

7., Если означеннаго въ предыдущемъ пунктѣ соглашенія между выбывшимъ отъ церкви и новоопредѣленнымъ къ ней членомъ не состоится и послѣдній потребуетъ, чтобы церковное мѣсто, занятое постройками перваго, было очищено, то требованіе это должно быть исполнено въ теченіе не болѣе двухгодичнаго срока.

8., Въ случаѣ ненадобности мѣста, занятаго постройками выбывшаго, ни для поселенія кого—либо изъ штатныхъ членовъ причта, ни для водворенія на немъ кого—либо изъ штатныхъ священно-церковнослужителей, состоявшихъ на службѣ въ томъ же приходѣ, или изъ вдовъ и сиротъ, означенныя постройки могутъ оставаться на своемъ мѣстѣ, если всѣ члены причта и церковный староста согласны будутъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, обратить землю, состоявшую подъ тѣми постройками, въ церковную оброчную статью, какъ то дозволяется § 6 правилъ, Высочайше утвержденныхъ 24 марта 1873 года.

9., За содержаніе на церковной землѣ построекъ выбывшій платитъ аренду, по назначенію коммиссіи. Аренда сія поступаетъ въ пользу новоопредѣленнаго къ церкви члена, если онъ не имѣетъ усадебнаго участка, или въ пользу всего причта, если новоопредѣленный имѣетъ на свою долю особенный участокъ усадьбы.

10., Всякаго рода постройки, сдѣланныя священно-церковно-служителями изъ церковнаго лѣса, составляютъ собственность церкви; потому онѣ переходятъ отъ выбывающаго члена къ его преемнику: при семъ первый вознаграждается со стороны послѣдняго за вырубку, вывозку лѣса и поставку построекъ такою суммою, которая опредѣляется или взаимнымъ ихъ соглашеніемъ, или коммисіею.

11., Арендная плата, которая должна быть назначаема по требованію § 23 правилъ, Высочайше утвержденныхъ 24 марта 1873 года, назначается коммисіею, въ составъ которой, кромѣ священно-церковно-служителей и церковнаго старосты, должны быть приглашаемы лучшіе изъ прихожанъ.

Приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ съ разными ходатайствами за членовъ причта, представляемые въ консисторію, не могутъ имѣть никакихъ послѣдствій; такъ какъ волостнымъ и сельскимъ сходамъ не предоставлено никакого права входить въ разсужденіе о дѣлахъ, касающихся духовенства, и лица, участвовавшія въ составленіи приговора, по предметамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію сходовъ, даже подвергаются взысканію или предаются суду.

Веденіе метрическихъ книгъ, какъ весьма важныхъ документовъ, къ сожалѣнію не во всѣхъ церквахъ отличается аккуратностію и исправностію, можетъ быть оттого, что не всѣ священники хорошо знаютъ статьи закона относительно метрическихъ записей. По силѣ этихъ статей: 1, Родившіеся, бракосочетавшіеся и умершіе должны записываться въ книгахъ не на память, или съ показанія семействъ, но немедленно по исправленіи каждой требы, какъ то: молитвъ при рожденіи и крещеніи младенца, вѣнчанія и погребенія; въ частности—при совершеніи крещенія причтъ долженъ стараться въ точности разузнать званіе родителей, ихъ имя, отчество и фамилію, по распросамъ воспріемниковъ и другихъ лицъ, присутствовавшихъ при таинствѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда не окажется это возможнымъ, или воспріемники не въ состояніи будутъ доставить точныя свѣдѣнія о родителяхъ, требовать документы о послѣднихъ (1564 ст. IX т); 2. Запись должна производиться самимъ священникомъ, или чрезъ діаконовъ и причетниковъ, со всевозможною вѣрностію и исправностію. Всякія подчистки въ метрическихъ документахъ строго воспрещаются, и, если бы случилась

погрѣшность писца, то погрѣшительно написанное надлежитъ оградить со всѣхъ сторонъ чертами съ надлежащею оговоркою и потомъ продолжать писать что должно (1566 ст. IX т). 3. Треба, совершенная по какимъ либо причинамъ стороннимъ священникомъ, должна быть записана съ точнымъ обозначеніемъ священника совершавшаго ее; а о требахъ у лицъ, проживающихъ внѣ своего прихода, священники обязаны давать письменныя свидѣтельства подъ какимъ именно числомъ мѣсяца и нумеромъ записано священнодѣйствіе въ церковныхъ книгахъ, каковыя должны храниться при церковныхъ актахъ приходской церкви (1567 ст. IX т). 4. За неисправное веденіе церковныхъ документовъ причты подвергаются отвѣтственности (1442 ст. улож. о наказаніяхъ). При производствѣ же слѣдствій по случаямъ опущеній или неправильныхъ записей въ метрическихъ книгахъ слѣдователи должны руководствоваться статьями закона, указанными въ VII главѣ устава духовныхъ консисторій. Саратовское епархіальное начальство опубликовало затѣмъ слѣдующія правила для руководства слѣдователямъ въ упомянутыхъ случаяхъ:

1., По каждому обстоятельству слѣдователь долженъ вести особые журналы съ надлежащими въ нихъ поясненіями,—чѣмъ именно вызывается то или другое слѣдственное дѣйствіе, и такой или иной способъ выполненія онаго.

2., Предъ начатіемъ слѣдствія слѣдователь приглашаетъ къ оному узаконеннымъ порядкомъ депутатовъ съ духовной и гражданской стороны, и каждый актъ слѣдственнаго дѣла свидѣтельствуетъ под-

писомъ своимъ и подписами депутатовъ; а показанія лицъ, спрошенныхъ по дѣлу, подписомъ ихъ самихъ, или, въ случаѣ безграмотства, кому они повѣрятъ.

3., Отбираетъ предварительныя и нужныя свѣдѣнія отъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ и затѣмъ приступаетъ къ повѣркѣ ихъ показаній нужными, откуда слѣдуетъ, справками изъ документовъ и допросами лицъ, соприкосновенныхъ почему либо къ разслѣдуемому событію, или посторонниxъ свидѣтелей, а именно:

4., Слѣдователь самъ или чрезъ мѣстный причтъ, по случаю пропуска, или невѣрной записи событій рожденія или смерти даннаго лица и проч. дѣлаетъ справки по метрическимъ книгамъ за шесть или болѣе лѣтъ ближайшихъ ко времени тѣхъ событій, до и послѣ оныхъ, и объ оказавшемся составляетъ и прилагаетъ къ дѣлу актъ.

5., Въ случаѣ пропуска или невѣрной записи событія въ метрическихъ книгахъ, слѣдователь требуетъ отъ мѣстнаго духовенства справки изъ исповѣдныхъ росписей, отъ перваго года, въ которомъ имѣло случиться то событіе, до послѣдняго времени или по крайней мѣрѣ, начиная съ перваго года за десять послѣдующихъ лѣтъ и запослѣдній годъ; если же по исповѣднымъ книгамъ окажется невѣрность и сбивчивости въ показаніи лѣтъ даннаго лица, то свѣдѣнія о немъ требуются и прилагаются къ дѣлу отъ перваго до послѣднягогода послѣ рожденія.

6., При разслѣдованіи о невѣрной записи имени родившагося, или званія, имени, или отчества и фамиліи родителей, слѣдователь повѣряетъ по метри-

ческимъ книгамъ и исповѣднымъ росписямъ за шесть или болѣе лѣтъ, ближайшихъ ко времени разслѣдуемаго событія,—не было-ли у тѣхъ же родителей, въ числѣ родившихся или умершихъ, еще дѣтей съ одинаковыми именами, и вообще какъ писались по метрикамъ другія дѣти тѣхъ же родителей, особенно предшествовавшіе и слѣдовавшіе за тѣмъ, о которомъ производится слѣдствіе—или не было ли въ томъ же городѣ или селеніи родителей съ тѣми же именами и фамиліями, на коихъ имѣется метрическая запись, или точнѣе—не принадлежитъ ли та запись другому лицу, а не лицу, о которомъ производится слѣдствіе.

7., По тѣмъ или другимъ случаямъ слѣдователь непремѣнно требуетъ отъ подлежащаго причта и прилагаетъ къ дѣлу копію съ обыска и выписку изъ метрическихъ книгъ о бракѣ родителей.

8., О лицахъ сельскаго и городскаго сословій требуются отъ подлежащихъ учрежденій и прилагаются къ дѣлу точныя копіи съ ревизскихъ сказокъ, если извѣстное лицо родилось до X ревизіи; если же послѣ этой ревизіи, то копія съ посемейныхъ списковъ за первый и послѣдній годы послѣ рожденія.

9., О лицахъ военнаго званія требовать и прилагать къ дѣлу копіи съ билетовъ, выданныхъ отъ воинскихъ начальниковъ родителямъ даннаго лица, о которомъ производится слѣдствіе; если же родители оберъ или штабъ-офицерскаго званія, то копіи съ формулярныхъ списковъ; таковыя же копіи съ формулярныхъ списковъ прилагать къ дѣлу и о лицахъ изъ дворянъ или чиновниковъ, состоявшихъ на службѣ по гражданскому вѣдомству, а о лицахъ духовнаго званія—свѣдѣнія изъ клировыхъ вѣдомостей.

10., При всемъ этомъ для уясненія дѣла отбираются показанія.

а) отъ мѣстнаго духовенства, участвовавшаго въ совершеніи событія и наличнаго — отъ священно—служителей по долгу священства, отъ церковно-служителей—подъ присягою.

б) отъ родителей, опекуновъ и воспитанниковъ, въ случаѣ смерти первыхъ и послѣднихъ, прилагаются къ дѣлу о томъ выписки изъ метрическихъ книгъ.

и в.) отъ постороннихъ свидѣтелей, указанныхъ просителями,—подъ присягою.

11.) При всѣхъ вопросахъ слѣдователь строго наблюдаетъ, чтобы лица изъ мѣстнаго духовенства и посторонніе свидѣтели подробно и точно отвѣчали: первые—почему и отъ кого произошли пропуски событія или невѣрная запись онаго по метрикамъ, и знаютъ-ли они вѣрно то лицо, о которомъ производится дѣло, а всѣ допрашиваемые свидѣтели знаютъ ли вѣрно и чѣмъ подтверждаютъ, что данное лицо есть сынъ или дочь такихъ—то родителей, что оно родилось въ то именно или другое время.

12., Если въ допросахъ будутъ указаны сверстники лицу пропущенному записью по метрикамъ, или о которомъ имѣется невѣрная запись, то показанія о сверстникахъ съ осторожностію провѣряются справками изъ метрическихъ книгъ и прилагаются къ дѣлу точныя о тѣхъ сверстникахъ выписки; если свидѣтелями въ подтвержденіе вѣрности ихъ показаній сдѣланы будутъ ссылки на какія-либо особенныя замѣчательныя событія, соприкосновенныя къ дѣлу и могущія точнѣе опредѣлить время рожденія или смерти даннаго лица, то слѣдователь собираетъ и

прилагаетъ къ дѣлу надлежащія пояснительныя справки объ указываемыхъ событіяхъ.

13) По собраніи всѣхъ возможныхъ свѣдѣній объ изслѣдуемомъ событіи, слѣдователь представляетъ дѣло въ консисторію при своемъ рапортѣ а) съ своею подробною изъ дѣла запискою, б) съ надлежащею описью всѣмъ, имѣющимся въ дѣлѣ документамъ и бумагамъ, в) со свѣдѣніями о виновныхъ въ пропускѣ или невѣрной записи событія по метрикамъ и гдѣ виновные въ томъ проживаютъ въ настоящее время,—скрѣпивъ все дѣло по листамъ своимъ подписомъ, съ перемѣткою листовъ и показаніемъ, сколько именно листовъ имѣется въ представляемомъ слѣдственномъ дѣлѣ, и прошнуровавъ оное, съ приложеніемъ къ шнуру своей или церковной печати.

Безъимянные доносы и жалобы. Не разъ приходилось читать и слышать, что къ Преосвященнымъ Архіереямъ время-отъ-времени поступаютъ безъимянные доносы и жалобы. 52 ст. кн. II, т. XV Св. Закон. (изд. 1857 г.) и 300 ст. Уст. Угол. Судопр. (1864 г.) запрещаютъ производить слѣдствія по доносамъ въ безъимянныхъ пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ, а потому всѣ такого рода доносы не могутъ имѣть никакого дѣйствія. Если какимъ-либо образомъ будутъ открыты составители пасквилей и подметныхъ писемъ и подкидыватели ихъ, они предаются уголовному суду; неоткрытый же составитель пасквиля объявляется человѣкомъ безчестнымъ (ст. 149 и 150 т. 14 Уст. пред. прест.). Такое строгое преслѣдованіе анонимныхъ доносовъ объясняется тѣмъ, что подобные доносы, хотя законъ и не придаетъ

имъ значенія, набрасываютъ, можетъ быть, совершенно незаслуженную тѣнь на имя своей жертвы, невольно поселяютъ во мнѣніи начальства сомнѣніе въ невинности лица, оглашаемаго въ нихъ, и подаютъ поводъ къ непріятнымъ для него толкамъ. Кромѣ того, безъимянные доносы могутъ подрывать взаимное довѣріе, пораждать скрытность и подозрительность. Вятскій Преосвященный Аполлосъ, обращаясь къ своему духовенству съ пастырскимъ словомъ по поводу присылаемыхъ ему безъимянныхъ доносовъ, писалъ между прочимъ: „честный и благородный человѣкъ никогда не прибѣгнетъ къ такому способу доноса; когда доносителемъ руководятъ намѣренія добрыя и побужденія благородныя, ему нѣтъ надобности укрываться въ безъимянномъ письмѣ. Ничто другое, какъ страхъ преслѣдованія и отвѣтственности заставляютъ доносителей скрывать свое имя, конечно потому, что доносъ ихъ лишенъ справедливаго основанія. Увлекаемые личнымъ неудовольствіемъ, рвеніемъ зависти и злобы, жаждою мести, хотятъ уязвить непріятнаго имъ человѣка, умалить его честь и достоинство, но не зная за нимъ ничего преступнаго, рѣшаются позорить его ложью и клеветою, не объявляя своего имени. Таковы побужденія безъимянныхъ доносителей и таковы въ сущности ихъ доносы. Кто позволяетъ себѣ оговаривать тайно, разсѣевать ложь, поражать злорѣчіемъ и клеветою, тотъ не имѣетъ въ себѣ страха Божія, лишенъ не только христіанскаго, но и общечеловѣческаго нравственнаго чувства и способенъ на всякое низкое дѣло“.

ПЕНЗА.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Редакторы, преподаватели семинаріи { **А. Поповъ.** **Н. Смирновъ.**

Дозволено цензурою. Пенза, 15 Февраля 1876 г.
Цензоръ учитель семинаріи, священникъ **М. Шестаковъ.**

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.